

святому ориентировали слушателей на то, с какими просьбами можно к нему обращаться [3, с. 234]. С другой стороны, выбор элементов прославления апостола и их выражения в кондуктах сопоставим с определением геральдических символов для создания герба.

Итак, выделение и подробное исследование элементов, структуры жанровой модели кондукта на основании их генезиса позволяет получить целостное представление о специфике функционального потенциала, заложенного в кондукте, и наблюдать его реализацию в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. *Иоанн Златоуст*. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1. СПб. : Изд. С.-Петербург. духовной акад., 1896.
2. *Ненарокова М. Р.* Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М. : ИМЛИ РАН, 2003. 271 с.
3. *Ненарокова М. Р.* Святитель Николай в гимнографии средневекового Запада // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 4. С. 217–235.
4. *Delehayе H.* Les passions des martyres et les genres littéraires. Bruxelles, 1921.
5. Menander Rhetor / ed. by D. A. Russell and N. G. Wilson. Oxford, 1981.

А. В. Нестерова (Екатеринбург)

Слова-компози́ты в авторской риторике рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, XVII в.)*

Рукописный сборник XVII в. «Статир»¹ является одним из самых ярких текстов среди многообразия малоисследованных памятников древнерусской письменности. Этот сборник авторских

* Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Л. С. Соболевой.

¹ РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир». 1683–1684 гг. 815 лл. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены лл. 474 (II сч.), 187 (III сч.); пронумерованы дважды лл. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены лл. 250, 251 (III сч.).

© Нестерова А. В., 2017

проповедей – уникальное произведение, по самобытности и художественной выразительности сопоставимое с сочинениями таких авторов, как протопоп Аввакум и Симеон Полоцкий. Как известно, к XVII в. еще не сложилась традиция повсеместного написания проповедей от первого лица. Автор же данной рукописи не только принимает решение составить собственные проповеди, но и демонстрирует удивительную самостоятельность в суждениях и выводах, опираясь, безусловно, на существовавшую традицию гомиластики. Эти особенности обуславливают актуальность изучения данной рукописи как уникального авторского текста. Кроме того, ее ценность предопределяется местом создания: это Орел-городок в Прикамье (вотчина Строгановых в XVII в.).

К сожалению, зная место и время (конец XVII в.) написания данной рукописи, мы не можем назвать имя создателя. Оно оказалось скрыто по невыясненным причинам (см.: [5]). Попытки определить его до настоящего времени не представляются убедительными (см.: [4]). Столь же малоудовлетворительными являются публикации текстов сборника, в большинстве своем далеко стоящие от оригинала (см.: [2]). В большей мере к воссозданию особенностей текста приближена публикация Н. Ф. Стигнуевой [3], однако основная часть текстов сборника по сей день остается неопубликованной и малоизученной.

Перспективной задачей нашего исследования является многогранное, комплексное изучение данного рукописного сборника как литературного и языкового феномена конца XVII в. На данном этапе основная проблема исследования – выявление образа автора как языковой личности и определение ее уникальности, выраженной в стилистических особенностях авторского текста.

Поскольку перед нами сборник проповедей, а жанр проповеди предполагал торжественность изложения, мы заостряем внимание на анализе стилистики рукописи, что поможет выявить некоторые аспекты в особенностях авторской риторики. Традиция использования торжественного стиля в русской словесности развивалась последовательно с XV в. под влиянием югославянской письменности. Уже тогда его характерной чертой являлось употребление слов-композиций для придания тексту большей выразительности (см.: [6]). Наблюдается закономерность, согласно которой количество слов-композиций практически всегда находится в прямой зависимости от степени «торжественности» конкретного текста. Ко второй половине XVII в. развитие данного стиля достигло своего апогея, что отразилось и на употреблении композиций в текстах разных жанров. «Статир», являясь сборником проповедей,

предполагал использование данного стиля, и текст рукописи изобилует словами-композидами.

Стоит также отметить, что время написания исследуемой рукописи приходится на период функционирования стиля «плетения словес». Этот стиль связан с произведениями, теоретической основой которых стал исихазм – христианское этико-аскетическое учение, возникшее в Византии в IV–VII вв. и возродившееся вновь в XIV в. Одним из важных моментов в исихазме было особое внимание к семантике и звучанию слова, называющего сущность предмета. Во многом именно это обусловило стремление авторов широко использовать эмоционально-экспрессивные языковые средства для выражения сложных и глубоких мыслей, для «выражения невыразимого». Стиль «плетения словес» приходит и на Русь; первым, кто употребил этот термин, был Епифаний Премудрый («Житие Стефана Пермского», рубеж XIV–XV вв.). Данный стиль требовал употребления слов, созданных по определенным словообразовательным моделям. Книжники XV–XVII вв. активно создавали неологизмы, напоминающие греческие слова-композиции, которые ранее только калькировались, или употребляли самые разнообразнейшие сложные имена существительные и прилагательные [1, с. 113]. Так слова-композиции вошли в традицию написания торжественных текстов.

Как было сказано ранее, рукописный сборник «Статир» отличается ярким разнообразием слов-композиций. Это предопределило нашу задачу – исследовать особенности авторского стиля, выражающиеся в употреблении слов, относящихся к данной лексической категории, – с целью выявить своеобразие автора сборника.

Материалом нашей работы являются тексты введения и предисловия к рукописному сборнику «Статир». Выбор этих текстов определяется тем, что они представляют собой речь, возникшую непосредственно в сознании автора, она содержит меньше всего цитат. Это – прямое изложение его мыслей, не ограниченное строгим каноном или тематикой; авторское своеобразие в употреблении тех или иных слов-композиций проявляется в этих текстах ярче всего.

Композит, или сложное слово – это слово, которое образовано путем соединения двух или более основ. Следуя классификации на основе грамматических категорий, ранее предложенной исследователями (в частности, М. Н. Сперанским, см.: [6]), можно выделить следующие группы слов-композиций, встречающихся в рукописи.

Самую многочисленную группу представляют слова, составленные из двух прилагательных (или прилагательного и причастия во второй

части, или же числительного и прилагательного). На общее число всех слов-композигов (65) таких сочетаний насчитывается 36. Это, например, такие слова, как *бл(а)гоцвѣтуций, многоятежный, двоечастный, бл(а)-горазумный* и др.

Далее следуют сочетания существительного с существительным (13): *Всевидецъ, долготерпѣние, д(у)шегубитель, б(о)голюбец, скотомыслие, ц(е)рк(о)внокраситель*, и др.

Примерно равная по количеству предыдущей группа сочетаний существительного (в первой части) и прилагательного (12): *человѣколюбивый, скотоподобенъ, нравоучительный, чадолюбивый, б(о)годанный, кр(о)-тоносный* и др.

Также представлена группа сочетаний прилагательного и существительного во второй части (12): *бл(а)годѣяние, тунежителство, маловѣдение, бл(а)гочиние, любовудрие* и др.

И, наконец, самая немногочисленная группа – группа сочетаний прилагательных в первой части с глаголом (2): *возлюботрудствоватися, благолѣпотьствовати*.

Преобладание сочетаний двух прилагательных (они составляют больше половины всех рассматриваемых случаев) вполне закономерно, так как назначение композитов, в первую очередь, – служить эпитетом, а затем определением к понятию. Остальные же категории композитов представлены в практически равных по количеству группах (за исключением сочетаний прилагательных с глаголом).

Стоит также отметить, что все слова-композигов распределены по тексту равномерно, они не группируются в определенных частях текста (как это можно было наблюдать в других произведениях более раннего периода, например, в тексте 1461 г. «Слово избранно от святых писаний еже на латыню и сказание о составлении 8-го собора, о извержении Исидора прелестнаго и о поставлении в Рустей земли митрополитов» [6, с. 167]).

Итак, следует заключить, что автор сборника «Статир» действительно часто прибегает к употреблению слов-композигов – в среднем на странице встречается 3–4 слова, что свидетельствует о несомненном следовании традиции торжественного стиля. Но интересной особенностью рассматриваемой нами рукописи является не только обилие композитов, но и их разнообразие, творческое начало в их составлении. Определяющий элемент слова – его первая часть – варьируется. Наибольшее количество приходится на долю «благо-» (*благоцвѣтуций, благолюбивый...*) – всего 22, и «бого-» (*богоумный, боголюбец...*) – всего 6. Остальные же случаи представляют большее разнообразие определяющего элемента. Творческое начало и даже

некоторая виртуозность в составлении композитов проявляются во многих случаях, приведем наиболее интересные из них.

Глагол *возлюботрудоватися*: «По яковой вещи она (книга Статир) моимъ оканяньствомъ возлюботрудовася и глубокою грубостию и невѣжествомъ моимъ написася».

В следующем предложении можно встретить 6 композитов: «И по сих возвѣсти Б(о)жия бл(а)г(о)д(а)ть о мнѣ недостойнѣмъ бл(а)городному и великоименитому г(оспо)д(и)ну // Григорию Димитриевичу Строганову, зѣлному бл(а)гочестия рачителю и вселюбезнѣйшему ц(е)-рк(о)внокрасителю и бл(а)гохотному строителю».

В продолжение характеристики владельца имени (Строганова) можно встретить следующие композиты: «Но и самъ онъ Г(оспо)д(и)нъ зѣло навывченъ пѣнию и всякому любомудрию рачитель, велми бо остроестественъ природою, // въ юныхъ лѣтѣхъ суци, многоденныя сѣдины превзыде разумомъ смысла своего».

Поражает выразительность эпитетов при традиционном описании автором своего недостойнства: «Бысть же ми трудно, аще и пишется во окаянной д(у)ши моей, но не вкореняется, понеже злохитра и любогрѣшна, возмущается от всякия страсти, сластолюбиемъ объята, бременемъ грѣховнымъ отягчена, злобою наполненаи...»

Объясняя свое намерение составить сборник, автор обращается к евангельскому эпизоду о дани на храм, которую апостол Петр отдал, найдя по слову Иисуса Христа статир (т. е. четыре драхмы) внутри пойманной рыбы. Интересна интерпретация автора и то, как он при этом использует средства языковой выразительности, подчеркивая торжественность и важность своей мысли: «[И тогда] ... востави мя Б(о)жия десница, и благий гла(с) Вл(а)д(ы)ки моего побуди мя, воздвиже мя, яко верховнаго Петра на ловитву, рече ми Б(о)жия бл(а)годать: “Не унывай, ч(е)л(о)в(ѣ)че! Что вла[ч]ешися унынием, яко безгласная рыба в мори непостояннаго вѣка? Верзи, яко удицу ума твоего, внутрь многомятежнаго смысла своего, – и обрящещи статиръ, даждь его во сл(а)ву имени Моего и в свое искупление”».

В конце предисловия автор так обращается к своему читателю: «О, бл(а)горазумный читателю, помяни мя бл(а)годарно, егда приимеши книгу сию. Аминь».

И здесь мы подходим к важной мысли: перед нами не просто средства языковой выразительности, выступающие в тексте в роли украшения речи и являющиеся лишь элементами стиля, но нечто большее. Автор стремится передать сложность содержания через сложность формы, сложность

мысли – через сложность слова. Композиты в тексте «Статира» призваны поразить читателя, воздействуя на его ум и сердце, обратить внимание на важность изрекаемого и вызвать эмоциональный отклик. Выразительность и оригинальность формы пробуждает интерес читателя к личности автора, к его жизненной позиции, вызывает активное сопереживание с его стороны. Так, слово, обретая особую силу, оказывается способным побудить человека к действию и преобразованию своей жизни и мира.

Вера в преображающую силу слова была характерна для той эпохи, и автор «Статира» – как ее представитель и создатель множества проповедей – несомненно, разделяет это убеждение.

Подводя итог, необходимо заметить, что, безусловно, тема употребления слов-композигов в «Статире» требует дальнейшей разработки и заключает в себе возможности глубокого исследования авторского стиля. На данном же этапе можно с уверенностью сказать, что автор «Статира» был мастером слова, владевшим различными приемами и опиравшимся на существовавшую в то время традицию гомилетики. Свои глубокие и нестандартные мысли он, как личность творческая, старался донести до читателей и слушателей, пользуясь самыми разнообразными возможностями и средствами выразительности, одним из которых было употребление слов-композигов. Таким образом, этот отдельный аспект авторской риторики позволяет очертить внутренний мир автора и выявить новые грани его образа.

Список литературы

1. Ковалевская Е. Г. Избранное. 1963–1999 / под ред. К. Э. Штайн. СПб. ; Ставрополь : Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2012. 687 с. (Филол. кн. СГУ).
2. Красильникова А. А. Лепта к «Статиру»: полемические заметки о современной презентации памятника XVII в. // Библиосфера. 2013. № 3. С. 29–35.
3. Сгибнева Н. Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Статир» // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). С. 223–237.
4. Соболева Л. С. Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 8 : Филология. С. 175–186.
5. Соболева Л. С., Манзилев П. И., прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 12 февр. 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 134–145.

6. *Сперанский М. Н.* Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле русской литературной школы XV–XVI вв. (Из истории византийско-югославянско-русских связей) // Из истории русско-славянских литературных связей : сб. ст. М. : Изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. С. 160–197.

В. А. Валитова (Екатеринбург)

Воссоздание «чудесной» действительности древних славян в XVIII – начале XIX в.: от баснословия к мифологии

Интерес российских ученых к древней истории своего народа появился – или, по крайней мере, начал реализовываться в научных трудах – во второй половине XVIII в. Первые серьезные попытки воссоздания и описания пантеона славянских языческих богов были предприняты в работах М. И. Попова и М. Д. Чулкова. В начале XIX в. разработку темы продолжили крупные сочинения Г. А. Глинка, А. С. Кайсарова и П. М. Строева. Примечательно, что два последних автора ставят под вопрос правильность подхода ученых-предшественников к сбору и обработке мифологических данных; во многом благодаря этому в последующих работах методология изучения славянской мифологии перешла на новый научный уровень.

Представление о «чудесном» в славянских сюжетах, дошедших до наших дней в основном в виде устного творчества, долгое время воспринималось как бессмысленные выдумки, созданные для развлечения. Тем не менее, как писал А. Н. Афанасьев, «и к чему народ стал бы беречь, как драгоценное наследие старины, то, в чем сам бы видел только вздорную забаву?» [1, с. 24]. Мир «чудесного» был для древних славян частью реальной действительности; приметы и суеверия – сводом правил к действиям, необходимым при встрече с «чудесным». А значит, изучение и воссоздание «чудесной» действительности фактически приравнивается к изучению и осмыслению истории – той древней ее части, о которой не сохранилось почти никаких документов и свидетельств.